Круг субъектов ответственности за деликты, совершенные при использовании искусственного интеллекта

Алимова Александра Ашрафовна
аспирант, кафедра международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, alealimova@yandex.ru

В настоящей статье выделяются и критически осмысляются основные доктринальные подходы к определению круга субъектов ответственности: модель, исходящаю из принципа контроля (которым обосновывается ответственность пользователя), а также риск-ориентированная модель, которая предполагает ответственность владельца или производителя. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что в современных правовых условиях обязанность по возмещению вреда с наибольшей вероятностью возлагается на разработчиков, владельцев, пользователей и иных операторов ИИ-систем, при этом объём и пределы их ответственности требуют дополнительной нормативной конкретизации. В заключение обосновывается вывод о целесообразности комбинированного подхода, сочетающего оценку степени автономности системы и участия человека в её функционировании, что способствует формированию справедливого и сбалансированного механизма правового регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность, деликт, субъекты ответственности, причинение вреда, робот, риск-ориентированный подход.

Быстрое развитие новейших технологий существенно трансформирует устоявшиеся представления о пределах юридической ответственности и механизмах управления рисками. Традиционные программные решения уступают место самообучающимся нейросетевым моделям, которые интегрируются в различные сферы повседневной деятельности, где каждое принимаемое решение сопряжено с оценкой соотношения предполагаемой выгоды и возможного ущерба. В этих условиях при определении роли искусственного интеллекта в структуре современных цифровых технологий особую значимость приобретает установление надлежащих субъектов гражданско-правовой ответственности в случаях причинения вреда при использовании искусственного интеллекта.

По мнению, преобладающему в российской доктрине, идея наделения правосубъектностью и, следовательно, ответственностью, самой системы искусственного интеллекта (т.н. «e-Person»), относится пока что к разряду фантастики. Тем не менее, представляется не совсем отвечающей запросам практики модель, где круг ответственных лиц сокращен только до владельца/разработчика ИИ («manufacturer/producer»). Большую роль на принятие решений искусственным интеллектом оказывают и пользователи, и операторы (фронт-энд и бэк-энд). Более того, в круг субъектов ответственности могут быть включены и импортеры, дистрибьюторы цифровых систем, а также все те лица, которые вносили изменения или обновления в программу после ее выхода на рынок [5].

Таким образом, к основным потенциальным субъектам ответственности в рассматриваемом контексте можно отнести:

- владельца программы, основанной на ИИ;
- создателя (разработчика) программы, основанной на ИИ;
- заказчика программы, основанной на ИИ;
- пользователя программы;
- поставщика информации;
- собственника технического устройства [7];
- регулирующие и контролирующие органы;
- третьих лиц.

Существующая правовая конструкция в российском праве предполагает, что ответственность за работу искусственного интеллекта как в материальном воплощении (в виде робота), так и в цифровой форме (в виде киберфизической программы ЭВМ) несет лицо, владеющее искусственным интеллектом, в частности, для обеспечения своей производственно-хозяйственной деятельности [2]. Таким образом, при определении вопроса о надлежащем субъекте ответственности за деликты, причиненные при использовании искусственного интеллекта, уместным видится использование категории «владелец», которая должна рассматриваться в самом широком смысле. Так, владельцем AI-робота или AI-системы ЭВМ могут признаваться лица, обладающие правом собственности, а также правом хозяйственного ведения, правом оперативного управления либо лица, владеющие данными объектами на другом законном основании. К указанной категории лиц не относятся сотрудники юридического лица, работающие по трудовому либо гражданско-правовому договору. Неверно отождествление понятий «владелец» и «пользователь», а также раскрытие дефиниции «владелец» через категорию «пользователь». В настоящем случае речь

идет именно о владельце, в первую очередь несущем ответственность за вред, причиненный деятельностью искусственного интеллекта [6].

К числу основных субъектов, которые могут быть привлечены к ответственности, относятся разработчики ИИ-систем [1]. Они отвечают за архитектуру программного обеспечения, алгоритмы и модели машинного обучения. В случае выявления ошибок или недочётов в программном коде, повлекших вред, разработчики могут быть признаны ответственными за недостаточное тестирование или несоблюдение стандартов безопасности. Тем не менее на практике доказать их вину затруднительно, особенно если продукт был передан и модифицирован третьими лицами.

Особое место среди потенциальных субъектов ответственности занимает категория операторов и пользователей ИИ, которые непосредственно управляют или эксплуатируют соответствующие системы [8]. Ответственность операторов связана с возможным неправомерным использованием ИИ, нарушением условий эксплуатации, отсутствием должного контроля за работой системы. Производители аппаратного обеспечения и интеграторы также входят в круг потенциально ответственных лиц, особенно если вред обусловлен дефектами оборудования или ошибками интеграции ИИ в технические системы. В этих случаях применяются общие нормы о товарной и договорной ответственности.

В случае юридических лиц, принимающих решения о внедрении ИИ в свою деятельность, могут нести ответственность как заказчики, работодатели или выгодоприобретатели. Их ответственность основана на общей деликтной и корпоративной правовой практике, учитывающей влияние корпоративных решений на возникновение вреда.

Что касается законодательного регулирования, в современной российской правовой системе причинение вреда с использованием систем искусственного интеллекта подпадает под действие общих норм гражданского законодательства. Обязательства вследствие причинения вреда регулируются положениями главы 59 ГК РФ. В соответствии с общим принципом лицо, причинившее вред личности или имуществу гражданина, а также имуществу юридического лица, обязано его возместить. При этом, согласно п. 2 ст. 1064 ГК РФ, причинитель вреда освобождается от ответственности, если докажет отсутствие своей вины, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Одним из таких исключений является ст. 1079 ГК РФ, устанавливающая ответственность за вред, причинённый деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Владельцы источников повышенной опасности обязаны компенсировать вред независимо от вины. В практике к таким источникам могут быть отнесены отдельные системы ИИ – например, беспилотный транспорт, дроны или роботизированные хирургические комплексы, поскольку их эксплуатация связана с повышенным риском.

Если же вред обусловлен недостатками системы ИИ, включая дефекты выполненных работ или оказанных услуг в данной сфере, применяются положения ст. 1096 ГК РФ. В этом случае ответственность по выбору потерпевшего несёт продавец либо изготовитель, а при недостатках работы или услуги – исполнитель. Схожие правила закреплены в ст. 14 Закона «О защите прав потребителей», причём изготовитель (исполнитель) отвечает за причинённый вред независимо от того, позволял ли уровень научно-технических знаний выявить соответствующие свойства продукта. Вместе с тем ст. 1098 ГК РФ предусматривает освобождение от ответственности, если вред возник вследствие нарушения потребителем правил использования товара, результата работы или услуги.

В ситуациях, когда система ИИ не будет признана источником повышенной опасности и не будет установлено наличие её недостатков, применяется общий принцип виновной ответственности, поскольку специальных норм, регулирующих такие случаи, законодательство не содержит.

Следовательно, действующее российское законодательство допускает применение как строгой (безвиновной), так и виновной ответственности при причинении вреда системами ИИ в зависимости от обстоятельств конкретного дела. Строгая ответственность наступает, если ИИ квалифицируется как источник повышенной опасности либо выявлены его недостатки: в первом случае ответственность возлагается на владельца, во втором — на изготовителя, продавца или исполнителя. Установление строгой ответственности за вред, вызванный дефектами ИИ-систем, представляется обоснованным. Вместе с тем дискуссионным остаётся вопрос о целесообразности безвиновной ответственности владельцев ИИ в иных случаях причинения вреда на основании ст. 1079 ГК РФ [3].

При этом применение конструкции источника повышенной опасности, автоматически влекущее строгую ответственность владельцев ИИ-систем, сопряжено с рядом проблем [9].

Прежде всего, владельцы, как правило, не обладают реальным контролем над уровнем безопасности и устойчивости функционирования таких систем. Автономность, способность к самообучению и адаптации означают, что поведение ИИ во многом определяется архитектурой, алгоритмами и параметрами, заложенными разработчиками. По сути, владелец нередко выступает лишь пользователем технологии, а не субъектом, способным управлять её внутренними процессами. Во-вторых, если лицо не в состоянии эффективно контролировать систему, возложение на него безвиновной ответственности не выполняет превентивную функцию гражданского права, т.е. не стимулирует к принятию дополнительных мер по обеспечению безопасности. В условиях ограниченного влияния на работу ИИ подобная ответственность утрачивает регулятивный смысл. В-третьих, чрезмерные риски, связанные с эксплуатацией ИИ при такой модели ответственности, могут сделать их приобретение и использование экономически невыгодными. Потенциальные владельцы будут избегать технологий, способных повлечь значительные имущественные последствия вне зависимости от их поведения.

Подобный дестимулирующий эффект способен замедлить развитие индустрии искусственного интеллекта в целом. Кроме того, сама концепция источника повышенной опасности не учитывает специфику отношений в сфере ИИ: множественность вовлечённых субъектов, различный вклад каждого из них в функционирование системы, степень её автономности и самообучения, а также сложность технической структуры.

Следовательно, одним из перспективных направлений совершенствования регулирования внедоговорной гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый системами ИИ, может стать внедрение риск-ориентированной модели [4]. Суть данного подхода заключается в дифференциации ответственности в зависимости от уровня риска, который создаёт конкретная система ИИ. Если вред причинён системой, отнесённой к категории неприемлемого или высокого риска для прав и свобод человека, обоснованным представляется установление строгой (безвиновной) ответственности разработчика.

В иных ситуациях, когда речь идёт о системах с низким уровнем риска, восстановление нарушенных прав потерпевших целесообразно осуществлять на основе принципа

виновной ответственности – с необходимостью доказывания вины причинителя вреда и наличия причинно-следственной связи между его поведением и наступившими последствиями. Применение подобной дифференцированной модели способствовало бы устранению существующей правовой неопределённости, обусловленной отсутствием чётких специальных норм, регулирующих отношения, возникающие при причинении вреда третьим лицам вследствие функционирования систем искусственного интеллекта.

Вместе с тем при формировании отечественной риск-ориентированной модели недопустимо механическое заимствование классификации, закреплённой в иностранном законодательстве (AI Act в ЕС, Закон Республики Казахстан «О искусственном интеллекте» и др.). Необходимо исходить из реальных рисков причинения вреда, баланса интересов потерпевших и участников оборота, а также особенностей национальной правовой системы, что не всегда учитывается в реализуемой за рубежом градации на категории «неприемлемого», «высокого», «ограниченного» и «минимального» риска. Следует осторожное подходить и к уровню статичности перечня высокорисковых систем, затрудняющему оперативную адаптацию к технологической эволюции при выстраивании модели деликтной ответственности за вред, причинённый с использованием искусственного интеллекта.

Литература

1. Василевская Е. Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник МГЮА. 2023. № 5. С. 32—40.
2. Информационные технологии в юридической деятельности: теле-право : монография / отв. ред. А. А. Волкова, Д. В. Огородов. — Москва : Проспект, 2024. — 296 с. – ISBN 978-5-392-40803-0. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/463871 (дата обращения: 19.02.2026). – Режим доступа: для авториз. пользователей.
3. Ижаев О. А., Кутейников Д. Л. Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход. Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 23—34.
4. Казанцев Д. А. Правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта. Journal of Digital Technologies and Law. Т. 3, №3. С. 446—471.
5. Кирсанов А. Н., Костылева У. В. Основания и условия ответственности за ущерб, причиненный работой искусственного интеллекта // Право и управление. XXI век. 2022. Т. 18, № 4. С. 55—60.
6. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 79—102.
7. Левченко А. И. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом // Уральский журнал правовых исследований. 2022. №2. С. 58—62.
8. Мхитарян Н. А., Мхитарян И. А. Искусственный интеллект и правовая ответственность: вызовы и перспективы для гражданского права // Закон и право. 2023. № 1. С. 45—50.
9. Цифровое право: учебник / Под ред. докт. юрид. наук, проф. МГИМО Э.Л.Сидоренко. – Москва: Юрлитинформ, 2024. 720 с.

The circle of subjects liable for torts committed through the use of artificial intelligence

Alimova A.A.

Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

This article highlights and critically examines the principal doctrinal approaches to defining the circle of liable subjects: the control-based model (which substantiates user liability) and the risk-oriented model, which предполагает liability of the owner or manufacturer. As a result of the analysis, the author concludes that, under contemporary legal conditions, the duty to compensate for harm is most likely to be imposed on developers, owners, users, and other operators of AI systems; however, the scope and limits of their liability require further normative clarification. The article concludes by substantiating the advisability of a combined approach that takes into account both the degree of the system's autonomy and the extent of human involvement in its functioning, thereby contributing to the development of a fair and balanced mechanism of legal regulation.

Keywords: artificial intelligence, civil liability, tort, liable subjects, causation of harm, robot, risk-oriented approach.

References

1. Vasilevskaya, E. Yu. Artificial Intelligence: Issues of Civil Law Qualification. Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2023, No. 5, pp. 32–40.
2. Information Technologies in Legal Practice: Tele-Law: Monograph. Ed. by A. A. Volkova, D. V. Ogorodov. Moscow: Prospekt, 2024. 296 p. ISBN 978-5-392-40803-0. Text: electronic // Lan: Electronic Library System. URL: https://e.lanbook.com/book/463871 (accessed: 19 February 2026). Access mode: for authorized user.
3. Izhaev, O. A., Kuteynikov, D. L. Artificial Intelligence Systems and Non-Contractual Civil Liability: A Risk-Oriented Approach. Lex Russica, 2024, Vol. 77, No. 6, pp. 23–34.
4. Kazantsev, D. A. Legal Mechanisms for the Allocation of Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence Systems. Journal of Digital Technologies and Law, Vol. 3, No. 3, pp. 446–471.
5. Kirsanov, A. N., Kostyleva, U. V. Grounds and Conditions of Liability for Damage Caused by the Operation of Artificial Intelligence. Law and Governance. 21st Century, 2022, Vol. 18, No. 4, pp. 55–60.
6. Laptev, V. A. The Concept of Artificial Intelligence and Legal Liability for Its Operation. Law. Journal of the Higher School of Economics, 2019, No. 2, pp. 79–102.
7. Levchenko, A. I. Civil Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence. Ural Journal of Legal Studies, 2022, No. 2, pp. 58–62.
8. Mkhitaryan, N. A., Mkhitaryan, I. A. Artificial Intelligence and Legal Liability: Challenges and Prospects for Civil Law. Law and Legislation, 2023, No. 1, pp. 45–50.
9. Digital Law: Textbook. Ed. by Doctor of Law, Professor of MGIMO E. L. Sidorenko. Moscow: Yurlitinform, 2024. 720 p.